

никогда не повторится. Автор называет его «щедрым пограничьем между двумя пределами» [7, с. 124], между миром «до» и миром «после» для Сани. Наукой жизни становится для Сани подлость дяди Володи. Суть его урока заключается в том, что полагаться нужно только на себя и быть умным и внимательным, одним словом, самостоятельным, чтобы никакой дядя Володя не посмел испортить самый лучший день в жизни. Таким образом, Саня обретает то, к чему так стремился – самостоятельность.

Поход Сани в тайгу стал для него чудным мгновением открытия мира во всей его многообразной полноте, а через мир – и самого себя, глубин собственной души. Произведение «Век живи – век люби» свидетельствует о способности автора глубоко вчувствоваться в природу и в душу человека. Рассказ связан со многими произведениями В. Распутина общей темой детства, которое в представлении писателя является чутким и ранимым периодом жизни человека в отличие от взрослого состояния, порою бесчувственного. Дети со своим богатым внутренним миром представляют более наглядный материал для изучения. Истоки наблюдений В. Распутина явно коренятся в биографии писателя, для которого важнейшим чувством было ощущение связи с родиной и родной природой, образы которых должны быть святы для каждого русского человека. По мнению автора произведений, только люди, духовно и кровно связанные с Сибирью, могут пройти испытание («крещение») ею, проникнуть в ее тайны и загадки, слиться с природой в единое целое.

Эмпирические наблюдения над текстом открывают явное присутствие развития и актуального функционирования мотива инициации в ранних рассказах В. Г. Распутина, до этого не исследованное в литературоведении. Структура мотива перехода соответствует структуре инициального обряда, типологизированного в мифопоэтике. Органичность, законченность мотива посвящения в произведениях писателя, создававшего свои первые произведения в период приоритета новой социалистической идеологии, объясняется биографическим контекстом, психологической глубиной воззрений писателя и активным воздействием на авторское сознание хронотопа Сибири.

Литература

1. Галимова, Е. Ш. «Северный текст русской литературы как сверхтекст» [Электронный ресурс] / Е. Ш. Галимова // Северный текст русской литературы. – Режим доступа: http://vk.com/topic-11984023_24074597. – Дата доступа: 9.12.2012.
2. Каминский, П. П. Время и бремя тревог. Публицистика Валентина Распутина [Электронный ресурс] / П. П. Каминский. – Режим доступа: <http://www.rumvi.com/products/ebook/-время-и-бремя-тревог-публицистика-валентина-распутина/81f7f979-8144-4cf6-a740-75ebe83f58e5/preview/preview.html>. – Дата доступа: 11.12.2012.
3. Тендитник, Н. С. Валентин Распутин. Очерк жизни и творчества / Н. С. Тендитник. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1887. – 232 с.
4. Горбачев, А. Ю. Современная русская литература. Писатели-почвенники 60-80-х годов XX века: учеб. пособие / А. Ю. Горбачев. – Мн. : БГУ, 2003. – 104 с.
5. Распутин, В. Г. «Сибирь, Сибирь...»: [Из книги «Сибирь, Сибирь...»] [Электронный ресурс] / В. Г. Распутин // Настоящие сибиряки. — Режим доступа: <http://real-siberian.livejournal.com/315465.html>. – Дата доступа: 20.11.2012.
6. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. / А. ван Геннеп – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
7. Распутин, В. Г. Избранные произведения. В 2-х т. Т.1. Рассказы; Повести / Вступ. статья Н. Котенко. – М. : Худож. лит., 1990. – 415 с.

УДК 821.161. 1 Тургенев-3:616-007.71

Т. Н. Усольцева

Красота как воплощение христианского идеала в прозе И. С. Тургенева

В статье анализируется стремление И. С. Тургенева воссоздать в своем творчестве красоту и совершенство мира, что представляется доказательством божественной сущности бытия. Мир природы в произведениях писателя позволяет его персонажам приблизиться к пониманию таких категорий как гармония и вечность, помогает осознать как совершенство мира, так и его недоступность для постижения.

В последние десятилетия литературоведы все чаще стремятся исследовать христианские традиции в творчестве писателей, которые признаны классиками русской литературы. И это вполне естественно. Странно было бы думать, что в православном государстве, коим была Российская империя в 19 столетии, идеи христианства не повлияли на становление личности и творчество любого человека, даже относящего себя к атеистам. И. С. Тургенев не избежал участи своих современников. В его биографии стали усиленно искать такие поступки, которые бы демонстрировали отношение к вере или неверию, в письмах – те цитаты, которые указывали бы, что автор не чужд православной традиции, в творчестве – сюжеты библейских мифов и реминисценции из Ветхого или Нового Завета. Это все замечательно и, конечно, необходимо. Но сегодня мы не можем ни объективно трактовать поступки писателя, не зная всего комплекса причин, которые к ним побудили, ни убедительно доказать, что то или иное произведение связано с библейским сюжетом, если на него нет ни прямых отсылок в тексте, ни указаний самого автора. Современные исследователи, как правило, сами в силу объективных причин оторванные от христианской традиции, зачастую видят только внешние проявления обращения к идеям православия. Поэтому новейшие исследования творчества Тургенева, претендующие на осмысление христианских традиций, как правило, представляют собой демонстрацию личных пристрастий ученого, его личных представлений о божественной сущности мира. Данная работа не представляет собой исключения: это попытка прочтения некоторых страниц из нескольких произведений писателя.

И. С. Тургенев, как и многие поклонники прекрасного, видел красоту в мире природы, представлявшей ему вслед за Пушкиным «равнодушной» и вечной, в любви, способной «разбудить» сердце и заставить ощутить совершенство мира, и в произведениях искусства, позволяющих отразить переживания человека. Г. Б. Курляндская писала: «Единство естественного и нравственного Тургенев считал необходимым условием гармонического душевного состояния, высшего внутреннего равновесия, источником красоты. Он показал, что в сфере чистой поэтической любви осуществляется гармония природного влечения и нравственного сознания» [1].

Тургенев, как никто из его современников, мог не только видеть красоту мира, но и запечатлеть ее в блестящих «синэстетических» пейзажных зарисовках [2, с. 52]. Пейзажи в произведениях Тургенева отличаются стремлением вобрать в себя все составляющие возможного человеческого восприятия, чтобы представить мир объемным, живым: это воссоздание и света, и цвета, и запаха, и звука. Пейзаж в произведениях Тургенева передает чувственное восприятие мира человеком, постижение этого мира сердцем, а не разумом. Подобная позиция более чем близка христианскому мировосприятию, которое основывается не на рациональном осмыслении Божественного замысла, а на личных эмоциональных переживаниях, индивидуальном мистическом опыте человека. Природа как ничто другое является источником самых разнообразных впечатлений, необходимых личности для осознания себя в окружающей действительности.

Для тургеневских пейзажей характерны чистые и яркие цвета, в них переданы свет и тени, они наполнены звуками и чувством восторга, которое испытывает человек, способный увидеть красоту и совершенство мира в таких обычных его проявлениях: «Солнце село, но в лесу еще *светло*; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; *молодая трава блестит веселым блеском изумруда*... Вы ждете. Внутренность леса постепенно темнеет; *алый свет* вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев, поднимается все выше и выше, переходит от нижних, почти еще голых, веток к неподвижным, засыпающим верхушкам... Вот и самые верхушки потускнели; *румяное небо синеет*. Лесной запах усиливается, слегка повеяло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает. Птицы засыпают – не все вдруг – по породам; вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки. В лесу все темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звездочки. Все птицы

спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни еще сонливо посвистывают... Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей шелкнул в первый раз» («Ермолай и Мельничиха») [3, с. 11–12].

Мир, в котором живет человек, настолько многомерен, что обычные слова не могут передать его красоту, поэтому Тургенев передает сложность происходящего с помощью противоречий. Именно благодаря этим противоречиям читатель открывает для себя парадоксальность окружающей реальности, постигает совершенство мира: «Погода была прекрасная, еще прекраснее, чем прежде; но жара все не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокие и редкие облака, изжелта-белые, как весенний запоздалый снег, *плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса. Их узорчатые края, пушистые и легкие, как хлопчатая бумага, медленно, но видимо изменялись с каждым мгновением; они таяли, эти облака, и от них не падало тени*». («Касьян с Красивой мечи») [3, с. 78]. Облака оказываются одновременно и «плоскими», и объемными, и «легкими»... Они удивительно красивы, при этом с помощью логических умозаключений невозможно объяснить, что вызывает такое восхищение и ощущение гармонии.

Природа у Тургенева наделена чувствами, и чувства эти отличаются простотой и естественностью, что заставляет человека не просто увидеть жизнь, а осознать то, что она нерукотворна и совершенна, безупречна и истинна: «Сквозь густые кусты орешника, перепутанные цепкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: под самым обрывом таится источник; *дубовый куст жадно раскинул над водою свои лапчатые сучья; большие серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна*, покрытого мелким, бархатным мхом. Вы бросаетесь на землю, вы напилесь, но вам лень пошевелинуться. Вы в тени, вы дышите пахучей сыростью; вам хорошо, а против вас кусты раскаляются и словно желтеют на солнце. Но что это? Ветер внезапно налетел и промчался; *воздух дрогнул* кругом: уж не гром ли? Вы выходите из оврага... что за свинцовая полоса на небосклоне? Зной ли густеет? туча ли надвигается?.. Но вот слабо сверкнула молния... Э, да это гроза! Кругом еще ярко светит солнце: охотиться еще можно. Но туча растет: передний ее край вытягивается рукавом, наклоняется сводом. Трава, кусты, все вдруг потемнело... Скорей! вон, кажется, виднеется сенной сарай... скорее!.. Вы добежали, вошли... Каков дождик? каковы молнии? Кое-где сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сено... Но вот солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, как *весело сверкает все кругом, как воздух свеж и жидок*, как пахнет земляникой и грибами!..» («Лес и степь») [3, с. 250]. Человек в пейзажных зарисовках Тургенева всегда предстает сторонним наблюдателем, его сознание только фиксирует необъяснимые странности мира, которые вызывают как ощущения восторга, так и страха перед быстро изменяющейся непознанной природой.

Пейзажи Тургенева всегда изменчивы, динамичны, но этой динамичности присуща статика, дающая ощущение вневременности, вечности природы, невозможности ее понимания. Совершенная красота влечет, манит человека, но, как правило, не приближает к постижению мира. Природа скорее становится олицетворением немого вопроса о сущности бытия: «Кое-как дотащился я до речки Исты, уже знакомой моим снисходительным читателям, спустился с кручи и пошел по желтому и сырому песку в направлении ключа, известного во всем околотке под названием «Малиновой воды». Ключ этот бьет из расселины берега, *превратившейся мало-помалу в небольшой, но глубокий овраг*, и в двадцати шагах оттуда с *веселым и болтливым шумом впадает в реку. Дубовые кусты разрослись* по скатам оврага; около родника зеленеет короткая, *бархатная травка*; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, *серебристой влаги*. Я добрался до ключа, на траве лежала черпалка из бересты, оставленная прохожим мужиком на пользу общую. Я напился, прилег в тень и взглянул кругом» («Малиновая вода») [3, с. 20]. Красота природы зачастую оказывается необъяснимой: как сочетание этих обычных черт обычной окружающей человека действительности в итоге воссоздадут необыкновенную картину мира?

Природа пробуждает в человеке эмоции, заставляет ощущать жизнь, чувствовать ее неповторимость: «Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка; все кругом блестяло сильным двойным блеском: блеском молодых утренних лучей и вчерашнего ливня. Пока мне закладывали таратайку, я пошел побродить по небольшому, некогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всех сторон обступившему флигелек своей пахучей, *сочной глушью*. Ах, как было хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, где трепетали жаворонки, откуда сыпался *серебряный бисер их звонких голосов!* На крыльях своих они, наверно, унесли капли росы, *и песни их казались орошенными росой*. Я даже шапку снял с головы и дышал радостно – всею грудью... На склоне неглубокого овра-

га, возле самого плетня, виднелась пасека; узенькая тропинка вела к ней, извиваясь змейкой между сплошными стенами бурьяна и крапивы, над которыми высились, Бог ведает откуда занесенные, остроконечные стебли темно-зеленой конопли» («Живые мощи») [3, с. 230].

Красота природы предстает как отражение иного, горнего мира, она свидетельствует о гармонии и вечности бытия, тех категориях, которые сложно осознаются человеческим разумом, привыкшем воспринимать все в ограниченном времени и пространстве. И, следовательно, то, что мир природы выходит за рамки понимания человеческого разума, вольно или невольно заставляет читателя задуматься о совершенстве Божественного мира.

Центром этого мира в прозе Тургенева становится Христос, который представляется сочетанием духовного и телесного («Живые мощи», «Христос»). Тургенев восхищался естественностью и простотой веры, которая была присуща крепостным крестьянам. Существование Бога для них не требует научных доказательств, Христос живет и любит среди них. В очерке «Живые мощи» Лукерья, прикованная к постели, видит Его во сне в образе Ангела, она постоянно ощущает его присутствие: «– А то я молитвы читаю, – продолжала, отдохнув немного, Лукерья. – Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану господу Богу наскучать? О чем я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест – значит, меня он любит» [3, с. 233]. Поэтому в стихотворении «Христос» у Него «лицо, как у всех, – лицо, похожее на все человеческие лица». Эта человечность, телесность Христа делает его понятным и доступным, необъяснимым и недостижимым одновременно. Однако простота зачастую оказывается непостижимой для обычного человека, он живет в мире сложном, непонятном, который постоянно требует все новых и новых объяснений, поэтому герои произведений Тургенева, как правило, чувствуют наличие существования тайны мира, даже прикасаются к ней через осознание красоты мира и искусства, но не могут приблизиться к ее разгадке.

Литература

1. Курляндская, Г. Б. Концепция любви в творчестве И. С. Тургенева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turgenev.org.ru/e-book/vestnik-12-2005/kurlyandskaya.htm>. – Дата доступа: 25. 02.2013.
2. Топоров, В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы) / В. Н. Тургенев. – М. : Российск. гос. гу-манит. ун-т, 1998. – 192 с.
3. Тургенев, И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – М. : Худож. литер. – 254 с

УДК 811.111'42:821.111-193.3*Шекспир:17

И. А. Хорсун

Концептуальные оппозиции в сонетах У. Шекспира

В данной статье проводится анализ морально-этических концептов на материале текстов сонетного цикла У. Шекспира. Выделяются концептуальные оппозиции, приводится количество апелляций к ним, анализируется частотность лексем, актуализирующих выделенные концепты. Морально-этическая концептосфера, репрезентированная в цикле сонетов, является индивидуальным, фикциональным воплощением концептосферы национальной. Несмотря на то, что У. Шекспир был ярким представителем английского Возрождения, он отразил в своем сонетном цикле не только идеалы гуманизма с его магистральной идеей права отдельного индивида на счастье и духовное совершенствование, но также прочие объективно существующие изменения национальной идеологии и концептосферы.

Художественное творчество является неотъемлемой частью культуры, а регулярное потребление его продуктов – непременным атрибутом повседневной жизни каждого индивида. Объектами отражения и, следовательно, основаниями для формирования концептов становятся не только элементы окружающего нас материального мира, но и порождения вообра-